Митрополит Иларион: Эпидемия нанесла серьезный ущерб религиозным организациям

13 июня 2020 года в передаче «Церковь и мир», выходящей на канале «Россия-24» по субботам и воскресеньям, председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион ответил на вопросы ведущей телеканала Екатерины Грачевой.

Е. Грачева: Здравствуйте! Это программа «Церковь и мир» на канале «Россия 24». Мы задаем вопросы председателю Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополиту Волоколамскому Илариону. Здравствуйте, владыка!

Митрополит Иларион: Здравствуйте, Екатерина! Здравствуйте, дорогие братья и сестры!

Е. Грачева: Вот с чего бы я хотела начать, владыка. Более двух месяцев храмы были закрыты, что не могло не сказаться на их финансах. Церкви, как известно, содержатся на пожертвования людей. Как Церковь собирается эту ситуацию исправлять, откуда она будет брать эти компенсационные резервы?

Митрополит Иларион: В этой ситуации оказалась не только Русская Православная Церковь, но и все религиозные организации, помощь которым приходит с разных сторон, в том числе, от государства и от представителей бизнеса. Государственная Дума приняла законопроект, согласно которому религиозные организации и НКО освобождаются от налога и страховых взносов за второй квартал 2020 года – это очень существенная помощь. Кроме того, принято решение, что благотворители будут освобождаться от уплаты подоходного налога за те суммы, которые они жертвуют на религиозные организации.

Есть и целый ряд инициатив, которые пришли от наших благотворителей. Например, было сделано пожертвование, которое позволит выплатить зарплаты московским священникам за два месяца – это очень существенная сумма и очень весомое пожертвование. Кроме того, каждая религиозная организация принимает какие-то свои внутренние меры для того, чтобы минимизировать потери. В частности, по решению Патриарха на 25 процентов сокращена сумма отчислений от епархий, ставропигиальных монастырей и московских приходов в общецерковную казну, что, конечно, скажется на тех церковных учреждениях, которые получают дотации от общецерковной казны. Это, прежде всего, церковные учебные заведения и синодальные отделы, которые сейчас пересматривают свои сметы в сторону сокращения, чтобы, опять же, минимизировать потери.

Е. Грачева: Владыка, уполномоченный при Президенте по правам ребенка Анна Кузнецова (кстати, на днях она стала мамой в седьмой раз, с чем ее наша программа поздравляет) предложила сократить финансирование клиник, которые проводят аборты, а также ограничить в аптеках продажу препаратов для прерывания беременности. Вы поддерживаете эти инициативы?

Митрополит Иларион: Я поддерживаю эти инициативы. Хотел бы со своей стороны сердечно поздравить Анну Юрьевну с рождением седьмого ребенка: думаю, ее пример очень убедительно показывает, что можно давать жизнь детям, в том числе многочисленному потомству, и при этом оставаться, например, государственным чиновником и эффективно вести свою работу.

Когда говорят о том, что сокращение финансирования на производство абортов увеличит число нелегальных абортов, то, на мой взгляд, это хромая логика. Это примерно то же самое, что сказать: давайте узаконим убийство, чтобы у нас не было криминальных убийств. С точки зрения Церкви (но не с точки зрения светского права) аборт приравнивается к убийству. И мы убеждены в том, что каждый человек имеет право на рождение, право на жизнь. Поэтому любые меры, которые могут привести к сокращению числа абортов, мы приветствуем. Естественно, что эти меры должны приниматься разумно, после консультации с медицинскими работниками.

Но мы не должны забывать еще и вот о чем. Сейчас очень многие женщины страдают от того, что, будучи беременными и желая родить ребенка, они с самых разных сторон получают рекомендации отказаться от этого. И участвуют в этом заговоре против человеческой жизни, к сожалению, врачи. Мне как священнослужителю известно немало случаев, когда женщина приходила в женскую консультацию для того, чтобы получить совет по поводу своей беременности, а ее начинали склонять к аборту, врачи внушали: зачем вообще тебе это надо, зачем тебе третий или, например, четвертый ребенок? Либо начинали запугивать беременную женщину, говорить, что у нее родится нездоровый ребенок. Мы, священнослужители, постоянно слышим такие истории. Также мы слышим и другие истории – от женщин, которые когда-то сделали аборт, а теперь глубоко в этом раскаиваются, но не могут возвратить жизнь, которую они отняли у невинного существа, у того ребенка, который мог появиться на свет. А еще мы слышим немало историй о том, как женщины, которые сделали аборт, потом уже не могут родить ребенка по физиологическим причинам.

Всё это, к сожалению, замалчивается, все эти истории очень редко всплывают в прессе, очень редко обсуждаются; чаще всего как раз говорят о том, что если снизить число легальных абортов, то увеличится число нелегальных. На мой взгляд, это не аргумент. Мы должны делать все от нас зависящее для того, чтобы дать как можно большему числу людей появиться на свет.

Е. Грачева: К сожалению, в нашей стране все равно остаются женщины, которые, даже не прервав беременность, после рождения отказываются от ребенка, и тогда в дело вступают органы опеки. Как раз об органах опеки я хотела бы поговорить. Тот же омбудсмен Анна Кузнецова предлагает в корне реформировать этот институт опеки в нашей стране. Знакомы ли Вы с ее предложениями? Согласны ли Вы с ними? И почему, владыка, в нашей стране все истории, в которых фигурируют органы опеки, в последнее время сопряжены с какими-то скандалами? Чем Вы это объясните?

Митрополит Иларион: Это можно объяснить тем, что в ряде случаев органы опеки не справляются со своими обязанностями или подходят к ним формально. Мы очень часто слышим о том, что произошла какая-то трагедия в семье, и при этом органы опеки на эту семью не обращали никакого внимания. А с другой стороны, мы слышим о том, как изымают из семьи детей из-за того, что в холодильнике апельсинов не нашлось или из-за того, что у дома крыша протекала.

Думаю, система, которая сейчас действует, действительно нуждается в очень серьезном реформировании. Потому что, с одной стороны, мы все заинтересованы в том, чтобы защитить наших детей от домашнего насилия, от произвола, но, с другой стороны, мы все заинтересованы в том, чтобы у нас были крепкие семьи, чтобы родители могли спокойно воспитывать своих детей без оглядки на каких-то посторонних лиц, которые могут в любой момент вторгнуться в их жилище и начать проверять их холодильники.

Е. Грачева: Каким, на Ваш взгляд, может быть единственный критерий, по которому органам опеки можно забрать ребенка из семьи?

Митрополит Иларион: Я думаю, что единственным критерием может быть домашнее насилие. Если ребенок подвергается насилию, если родители или один из родителей страдают алкоголизмом в хронической форме, если пребывание в семье опасно для здоровья и жизни ребенка, тогда по итогам расследования можно принимать такое решение. А если в семье недостаточно апельсинов в холодильнике, то это повод не изымать ребенка из семьи, а, скорее, позаботиться о ней, предоставить материальную помощь и подумать о том, чтобы создать условия для развития ребенка именно в этой семье.

Е. Грачева: Владыка, коль Вы уж подняли тему домашнего насилия и насилия в отношении детей... такая резонансная история всплыла. Дочь Эдуарда Успенского, любимого всеми нами за такие произведения, как «Кот Матроскин» и «Чебурашка», высказалась против того, чтобы детскую премию «Большая сказка» назвали в честь отца, объясняя это тем, что он был домашним тираном, применял силу и к ней, и к матери, и вообще был членом секты Столбуна. Авторы премии говорят, что имя Успенского в названии останется, потому что они судят по его творчеству, а не

судят его личность. Как Вам кажется, владыка, если эти обвинения действительно имеют под собой основу, может ли детская премия после этого носить имя Успенского?

Митрополит Иларион: Мое мнение: если эти обвинения имеют под собой основу, то лучше назвать детскую премию каким-нибудь другим именем. С одной стороны, если какая-то премия или же улица, площадь, проспект называются в честь творческого человека (будь то писатель, поэт, композитор или художник), то, естественно, увековечивается его память именно как творческого человека, и он это получает в заслугу за свое творчество, а не за свою личную жизнь. С другой стороны, конечно, если речь идет о детской премии и если те факты, которые сейчас всплыли, будут действительно доказаны и продолжат звучать в средствах массовой информации, то, наверное, и самим создателям этой премии будет все труднее присуждать и вручать ее без того, чтобы это не сопровождалось скандалом. Поэтому в данной ситуации, возможно, стоило бы подумать о каком-то другом имени.

Е. Грачева: Владыка, портал SuperJob на днях провел исследование, в ходе которого москвичам был задан вопрос: готовы ли вы заменить свой паспорт приложением с QR-кодом? Более 70 процентов москвичей ответили, что не хотят этого. Как Вы думаете, почему?

Митрополит Иларион: Потому что люди не доверяют тем электронным заменителям, которые постепенно приходят на смену привычным для человека документам. Мы все родились и выросли с представлением о том, что у каждого человека есть паспорт. Я помню, каким событием было для каждого шестнадцатилетнего молодого человека или девушки, когда он или она получали свой первый паспорт. Конечно, этот документ можно потерять, но есть возможность его восстановить. Что же касается электронных кодов, о которых сейчас идет речь, то никто толком не знает, как они будут действовать, что за этим будет скрываться, кто это будет контролировать. Тем более, что мы постоянно слышим то об утечке банковских данных, то об утечке какой-то личной, персональной информации. Когда у меня паспорт в бумажном виде, именно я несу за него ответственность: я могу положить его в карман или в сейф; если потеряю документ, это будет моя ошибка, а если его у меня украли, это будет моя беда. Но если вместо паспорта у нас будут какие-то электронные носители, то мы не знаем, кто будет всю эту информацию контролировать, поэтому у людей и возникает справедливое недоверие к этим инициативам. Я думаю, для того, чтобы эти инициативы стали вызывать больше доверия, требуется серьезная разъяснительная работа, но пока общество явно не готово к тому, чтобы заменять паспорта на электронные коды.

Е. Грачева: Большое спасибо, владыка, за то, что ответили на наши вопросы.

Митрополит Иларион: Спасибо, Екатерина.

*Во второй части передачи митрополит Иларион ответил на вопросы телезрителей, поступившие на **сайт** программы «Церковь и мир».*

Вопрос: Владыка, что есть душа? Есть ли связь между понятием душа и Дух Святой? Откуда приходит и куда уходит душа? Различны ли души мужчины и женщины?

Митрополит Иларион: В Библии в книге Бытия рассказывается о том, как Бог сотворил человека: Он сотворил тело из земной материи – как сказано в Библии, из праха земного, то есть из той же самой материи, из которой создан весь материальный мир. Но после этого Он вдохнул в человека дыхание жизни, то есть Свой собственный дух, и человек стал *душою живою* (Быт. 2.7). Это не то же самое, что Святой Дух, потому что, когда мы говорим о Святом Духе, речь идет об одной из Ипостасей Святой Троицы, о Самом Боге. Когда же мы говорим о дыхании Божием, то это дыхание, которое Сам Бог дал человеку. Бог поделился с человеком тем, чем Он Сам обладает. И эта душа, этот дух, который в человеке живет, есть Божественное начало в человеке.

Мы общаемся с Богом через нашу душу и через наш дух. Душа и дух – это, по учению некоторых греческих философов, две разные субстанции в человеке, а по учению других – это одно и тоже, то есть дух – это высшая часть души. Но наша душа благодаря тому, что она была вдунута в человека Богом, является «родственницей» Бога, и потому человек ищет Бога всей своей душой и всем своим сердцем. И потому, когда человек по-настоящему любит Бога, то он тоже любит Его всей душой. Хотя, конечно, есть люди, которые вообще отрицают духовное начало в человеке и отрицают бытие Божие. Они думают, что душа – это не что иное, как проявление тела.

Если отвечать на вопрос, откуда приходит и куда уходит душа, то, согласно учению Церкви, душа – это то, что дается человеку Самим Богом, и человек постепенно начинает осознавать свою душу. По мере своего роста он становится все более и более разумным, начинает распознавать собственные чувства, свои эмоции, видеть разницу между добром и злом. То есть душа взрослеет вместе с телом. Подобно тому, как человек рождается младенцем, но постепенно его тело растет, душа тоже дается человеку с самого начала, но постепенно она возрастает, развивается. А уходит душа в тот загробный мир, о котором говорит Церковь и который делится на две части: это Царство Небесное для людей, угодивших Богу, и это место мучения для тех людей, которые жили не по заповедям Божиим и совершали зло, которые после смерти будут наказаны Богом.

Наконец, последняя часть вопроса: различны ли души мужчины и женщины? Наверное, они в чем-то различны, как различны тела мужчины и женщины. Но думаю, что вообще душа каждого человека отличается от любой другой души, она индивидуальна точно так же, как и каждое тело индивидуально. Каждый человек, будь то мужчина или женщина, проявляет себя по-разному, и в этом, на мой взгляд, одно из доказательств бытия Божия. У Бога нет ничего одинакового.

Посмотрите на большое дерево, на котором десятки тысяч листьев – вы не найдете ни одного листика, который был бы абсолютно идентичен другому листику. И точно так же вы не найдете ни одного человека, который был бы абсолютно идентичен другому человеку – ни по телу, ни по душе. Даже если это близнецы, они все равно будут чем-то отличаться. Бог не клонирует людей, Он создает каждого отдельного человека, не похожего на других.

Вопрос: Подскажите, пожалуйста, хоронить православного человека можно только в гробу? Кремировать нельзя?

Митрополит Иларион: Православная Церковь считает правильным каждого человека погребать в земле в соответствии со словами Священного Писания: *яко земля еси и в землю отыдеши* (Быт. 3:19). Если вслушаемся в слова, которые звучат на отпевании, то осознаем: там очень много говорится о душе, которая переходит в иной мир, однако мы не забываем и о теле человека. И неслучайно отпевание происходит в храме, когда посреди него ставится гроб с телом и вокруг собираются люди. Хотя мы понимаем, что человек душой уже в ином мире, его тело продолжает оставаться с нами до тех пор, пока не будет погребено в земле. Весь православный погребальный обряд, начиная от того, что тело усопшего вносится в церковь, и кончая тем, что оно уже на кладбище предается земле, пронизан чувством благоговейного почтения к усопшему и к его телу. Это почтение выражается, в том числе, в том, что тело не уничтожается: оно кладется в землю, где и остается до всеобщего воскресения. Поэтому кремация не является традицией Православной Церкви и никогда таковой не была.

В то же время мы в своих официальных документах говорим, что в том случае, когда такое погребение (то есть погребение по всем правилам Церкви) не предусмотрено местным светским законодательством или связано с необходимостью транспортировать умершего на большое расстояние, или же невозможно по иным объективным причинам, Церковь, считая кремацию явлением нежелательным и не одобряя ее, может со снисхождением относиться к факту кремации тела усопшего.

Поэтому самое важное – чтобы каждый человек жил и умирал в мире с Богом, в мире со своими ближними, в мире со своей совестью, чтобы человек перед смертью получил последнее напутствие, чтобы он исповедовался и причастился перед смертью, чтобы его тело было принесено в храм и над ним был бы совершен православный погребальный обряд. Но и все остальное остается в руках родственников усопшего. Там, где это возможно, конечно, Церковь всегда настаивает на том, что тело должно быть предано земле.

Я хотел бы завершить эту передачу словами Иисуса Христа словами из Евангелия от Иоанна: «Я есмь воскресение и жизнь» (Ин. 11.25).

Я желаю вам всего доброго. Берегите себя, своих близких и да хранит вас всех Господь.

Служба коммуникации ОВЦС

Источник: https://mospat.ru/ru/news/45516/